

119-1010403

113

Вариации на тему отцов и детей

14 апреля Вадиму Курчевскому
исполнилось бы 75 лет

Марина КУРЧЕВСКАЯ

Однажды к моей дочке пришли друзья. Все дети из нормальных благополучных семей, за исключением одного пустяка. Из 11 человек лишь двое живут с настоящими отцами, у остальных их просто нет, ну или отчим, в крайнем случае. Причем от этого никто не страдает — сейчас отсутствие родного отца в семье почти норма. И мне вдруг жалко их до слез. Они и не предполагают, что это за счастье — быть «папиной дочкой». 14 апреля моему отцу исполнилось бы 75 лет. Я смотрю на его фотографии. Удивительно красивый. Сосредоточенный. Задумался. Рисует. Выпивший. Смеется. Сердит. Как хорошо, что фотографий много. Его зовут Вадим Курчевский.

Наш замечательный трехэтажный дом с колоннами сзади Большого театра! Наша грандиозная, великолепная, загадочная коммуналка! Родившись, я сразу выиграла в «бюро», став 21-м ее обитателем. У нас одна большая комната, перегороденная шкафом — детская и гостиная. Окно выходит на 7-й подъезд театра, где толпы «сыров» с букетами вечно караулят своих кумиров и бегают мочиться в наш подъезд.

У нас постоянно гости. Очень шумно. Варят в белом вине голубей, только что пойманных на соседней крыше, уверяя соседей, что это куропатки из Елисейского; звеня стаканами, громко чокаются, бесконечно спорят и рассуждают об искусстве, окутывая комнату клубами табачного дыма. Молодые талантливые художники. Молодой Отец. Молодая Мама. Молодые беспечные люди.

В нашей коммуналке, лишенной горячей воды и имеющей один туалет на восемь семей, собирались замечательные люди. Заходил Александр Дейнека, у которого мои родители имели счастье учиться. Один из столпов советской анимации Иван Петрович Иванов-Вано частенько спал после обеда на диване. Сидел на кухне неприкаянный молодой художник Михаил Шемякин. Поэты Циферов, Сапгир, Сеф читали свои стихи. Дом, расположенный в самом центре Москвы, притягивал и просто не позволял пройти мимо. Тем более, что слава моей матушки, как хлебосольной хозяйки, всегда давала надежду получить тарелку супа, рюмку водки и сострадание ко всем житейским неурядицам. Сколько там было выпито, сколько стихов прочитано, сколько песен спето, сколько рождено идей!

Я совсем маленькая. Мой отец — самый красивый, самый добрый, самый умный. Редким детям уделялось столько внимания. Его выходные — только мои. Вместе ходим в музей, в Третьяковку, в консерваторию, в театры, катаемся на коньках в Парке культуры, ездим на Птичий рынок, ловим сачком тритонов в пруду, а весной выпускаем щеглов из клеток, ставим спектакли бумажного театра на столе. Вечерами, по очереди, читаем вслух Дюма и Марка Твена. Наконец, он играет со мной в куклы и умеет шить им наряды! Вот оно — простое детское счастье, когда день бесконечен, когда любая погода — хорошая, когда, обняв отца, погружаешься в родные ароматы табака и тонкого одеколона, когда тяжелая рука с массивным обручальным кольцом поправляет ранец на моем плече и ленько подталкивает к дверям школы.

60-е годы. Школа на Арбате в Спасопесковском переулке. Через дорожку — киностудия «Союзмультфильм». Отец провожает меня каждый день. Он молод и ослепительно красив. Вижу восторженные взгляды проходящих мимо жен-

щин. Лавры популярного телеведущего приподнимали его над толпой — его узнавали повсюду. Ему улыбались бабки с авоськами. С ним здоровались, краснея, незнакомки в метро, продавщицы винных магазинов умильно предлагали обслужить вне очереди. Дети тыкали в него пальцем и бесстыже орали: «Смотрите — художник!». Мужчин он, должно быть, раздражал. Я умирала от ревности.

Те, кому сейчас под 50 и старше, должно быть, помнят одну из первых телевизионных детских передач под названием «Выставка Буратино», где черноволосый усатый красавец с ходу рисовал смешные картинки, серьезно обсуждал детские рисунки и был трогательно нежен с деревянной куклой, виртуозно управляемой сидящей под столом блестящей актрисой театра кукол Образцова Евой Синельниковой. К величайшему сожалению, почти ничего из этих передач не сохранилось в фондах телевидения. Актриса эмигрировала в Америку, «опорочив» звание «заслуженной», и все передачи того периода были уничтожены.

Редакция «Выставки Буратино» в буквальном смысле была завалена письмами поклонниц. Ее смотрели дети, мамы и бабушки. Знаменитая фраза отца: «Что хорошего в детях? Это их мамочки!». Популярности «художника» не было границ.

Итогом почти 30-летней работы с детьми стали две увесистые книги по эстетическому воспитанию, а попросту — веселые истории о том, как, играя, научить ребенка видеть и чувствовать красоту, понимать

природу, развивать фантазию и воображение. Отец свято верил, что все дети рождаются гениальными, а наша замечательная школа это все успешно уничтожает. Увидев мой альбом по рисованию с начерченной по линейке табуреткой, он пришел в такую ярость, что добился разрешения преподавать в моем классе уроки рисунка. Три года он рассказывал нам о художниках, показывал книги по искусству, раздавал подзатыльники и привлекал внимание диким свистом, о чем мои одноклассники вспоминают до сих пор с улыбкой и благодарностью.

У отца была чрезвычайно тяжелая рука. Наличие толстого старинного обручального кольца эту тяжесть увеличивала вдвое. Подзатыльники часто свистели над моей грешной головой, и, если не успевала увернуться, оставляли надолго гул в ушах и горечь от несправедливо устроенной жизни. Называлось это «стимулирующая ладонь». Отец считал это самым верным средством от плохих оценок, неубранных игрушек, обкусанных ногтей, развязанных шнурков, дырявых чулок, чтения под одеялом во тьме, подслушивания взрослых разговоров, ковыряния в носу, слизывания кремовых роз с торта — одним словом, от детства.

Я удивляюсь, как он мог все успевать. Он, как гуманист эпохи Возрождения, собрал в себе столько талантов и пороков, что их хватило бы на несколько человек.

Работа на киностудии и в кукольных театрах, передачи на телеви-

дении, бесчисленное количество иллюстраций к детским книгам, трактаты по эстетическому воспитанию, преподавание во ВГИКе и Высших режиссерских курсах, занятие монотипией и офортом. Да к тому ж безмерная широта души и почти раблезианская любовь к жизни во всех ее проявлениях, будь то работа до изнеможения, окрыляющие влюбленности, дружеские застолья с возлияниями, коллекционирование русской народной игрушки и почти священная любовь к книгам.

Отец рисует. Очень трепетно относится к рабочим инструментам — краскам, кистям, бумаге. У меня свои краски, у него свои. Голландская акварель, гуашь. Мне строго запрещено до них дотрагиваться, от искушения прячу руки за спину.

Однажды была жестоко порота за то, что аккуратно ножницами превратила круглые кисти в плоские. Думала, он обрадуется.

Поражала способность отца рисовать, почти не пользуясь ластиком, — точность руки и верность глаза были почти абсолютными. Рисую свои персонажи, корчил смешные рожи, повторяя их мимику, и обижался, когда я смеялась над ним.

Кисти, чтобы кончик был острый, облизывал губами, поэтому на усах часто висели разноцветные капли.

Мне, пристрастной, довольно трудно судить, каким отец был режиссером. Пусть об этом рассуждают искусствоведы. Но то, что им со-

здан один из самых тонких мультфильмов о любви, по-моему, бесспорно. Я имею в виду замечательный фильм «Мой зеленый Крокодил». Крокодил полюбил Корову. Полный бред. Но тем и прекрасно наше искусство мультипликации, что, принимая условность предложенной игры «нарочного» мира, ассоциаций, гротескового преувеличения чувств, оно заставляет зрителя сопереживать героям, забыв, что это всего лишь кусочки дерева, металла, ткани.

И все же Корову полюбила Крокодила. А все шептали: «Вы такая красивая, а он такой зеленый...» И кончилось счастье. И тогда наступила осень. Здесь есть все — и жертвенная любовь, и зависть, и раскаяние, и неразделенные чувства. Отец говорил, что мультипликационный фильм в кинематографе — это как поэзия в литературе. У мультипликации и поэзии общий строительный материал — лаконизм, точность, гипербола, метафора, ритм.

Всего 10 минут экранного времени. Год работы.

Этапным для отца стал фильм «Мастер из Кламси» по роману «Кола Брюньон» Ромена Роллана. Фильм построен, как монолог художника. По сути — это фильм о самом себе. О радости творческого труда и неосуществленных замыслах, о столкновении с глупостью и непониманием, о счастливой и несчастливой любви, о радости дружбы.

Это смачное жизнелюбие Брюньона и было отношением к жизни моего отца.

«Мастер из Кламси» был сделан в совершенно новой «живописной» манере, где декорации и куклы, нарочито небрежные, создавали мерцающую подвижную среду. Возникло впечатление ожившей живописи старых мастеров Фламандской школы. Очень нежная музыка композитора Михаила Мееровича усиливала лирический настрой картины, вызывая слезы на глазах. Эпиграфом к картине стали строчки из письма Горького Роллану: «Нужно, чтобы человек понял, что он творец и хозяин мира, что на нем ответственность за все несчастья земли, и ему принадлежит вся слава за все хорошее, что есть в жизни».

Он жил ярко и весело, имел много друзей, любил мою маму, кутил, дурачился, страдал. Очень живой человек. Но однажды он умер.

Глупая болезнь сузила мир до размеров комнаты, распугала друзей, рука не могла держать карандаш, голова отказывалась думать. Телевизор — единственный выход в мир — пугал. Ему стало скучно. И тогда его не стало. Чтобы жить, надо быть сильным — болезнь эти силы отняла.

Я часто думаю об отце. Стараюсь смотреть на мир его глазами, судить с его точки зрения. Ведь я до сих пор остаюсь «папиной дочкой». Всех мужчин сравниваю с ним, и, увы, почти всегда не в их пользу.

Вот выросла моя дочь. Тоже, кстати, художник. Выросла, как и большинство ее сверстников, без отца, и для нее был закрыт огромный пласт жизненных отношений, которые необходимы для ощущения себя счастливым.

Моего отца нет уже 6 лет. Остались фильмы и книги, остались ВГИКовские ученики, сами уже получившие международное признание, но не забывшие уроки отца. Осталась внучка, воспитанная дедом, впитавшая ту ауру, которой был так знаменит наш дом. В этом мудрость преемственности поколений. В этом наши корни, и они не дадут упасть.

Жизнь треплет и бросает туда-сюда, но фамилия, которую ношу я, моя мать и моя дочь, обязывает. Мы художники. Мы клан. Мы Курчевские.

● Вадим Курчевский. 1968 год

Экран и сцена